

Pospíšil, Ivo (editor)

Задонщина

In: Pospíšil, Ivo. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století : (přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století)*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 140-144

ISBN 978-80-210-7281-7; ISBN 978-80-210-7284-8 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131902>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Задонщина

В 1380 г. ордынский правитель Мамай предпринял большой поход на Московское княжество. Дмитрий Донской, как и в 1378 г., решает выйти навстречу врагу. В союзе с Москвой выступили многие русские княжества. Сражение произошло 8 сентября 1380 г. в пределах Рязанской земли, на Куликовом поле, в месте впадения в Дон реки Непрядвы. Понесся огромные потери, русские одержали победу. Это была первая большая победа над монголо-татарами, явившаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. Куликовская битва нашла отражение в нескольких произведениях: «Задонщине», краткой и пространной летописных повестях о Куликовской битве и в «Сказании о Мзмаевом побоище». Есть все основания полагать, что «Задонщина» была написана в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы и, во всяком случае, еще при жизни Дмитрия Донского (т. е. до 1389 г.), которому, как говорит сам автор памятника, он воздает похвалу своим произведением. «Задонщина» — это лирико-эпическое описание сражения на Дону. Автор ведет не последовательный сюжетный рассказ, а выражает свои чувства и эмоции, связанные с событиями Куликовской битвы. За основу своего произведения автор «Задонщины» взял «Слово о полку Игореве» — рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова».

«Задонщина» дошла до нас в шести списках: Ундольского (список XVII в., — РГБ, собр. Ундольского, № 632); Ждановском (список XVII в., отрывок — БАН, № 1. 4. 1); Историческом первом (список конца XVI в., без начала — ГИМ, собрание Музейское, № 2060); Историческом втором (список начала XVI в., отрывок — ГИМ, собрание Музейское, № 3045); Кирилло-Белозерском (список 1470-х гг. — РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086); Синодальном (список XVII в. — ГИМ, Синодальное собрание, № 790). Самый ранний, Кирилло-Белозерский, список представляет собой сокращенную переработку только первой половины произведения, сделанную известным книгописцем XV в., монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином. Остальные списки «Задонщины» дают сильно искаженный переписчиками текст произведения. Тексты отдельных списков «Задонщины» издавались неоднократно, научное издание их см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 535—556. Однако каждый в отдельности список «Задонщины» имеет такое количество искажений и дефектов, что издание произведения по какому-либо одному из списков не даст достаточно полного и ясного представления о тексте произведения. Поэтому уже с давних времен принято давать реконструкцию текста «Задонщины» на основе сравнительного анализа всех списков памятника. В этой книге также публикуется реконструкция, в основу которой положен

список Ундольского. Изменения, исправления и добавления в этот текст вносились только на основании чтений других списков по таким принципам: 1) по другим спискам восстанавливаются и изменяются все чтения, которые ближе «Слову о полку Игореве», как более близкие к оригиналу; 2) меняются поздние чтения списка Ундольского на основании сличений их с другими списками в том случае, если более ранние чтения в других списках совпадают по разным изводам (все списки делятся на два извода); 3) восстанавливаются некоторые чтения, сохранившиеся в одном из списков, которые могли быть опущены или изменены в остальных списках независимо друг от друга. Критерием в данном случае служили общие тенденции «Задоницы» и литературные особенности этого произведения. Из «Задоницы» делались вставки в «Сказание о Мамаевом побоище» — как в первоначальный текст этого произведения, так и в последующие его редакции. Вставки эти делались из списков «Задоницы», более близких к оригиналу, чем дошедшие до нас. При внесении изменений в текст, взятый за основной, учитываются, когда для этого имеется материал, чтения вставок из «Задоницы» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище». Все изменения, исправления, добавления, сделанные в списке Ундольского, набраны курсивом. Настоящая реконструкция, за единичными исключениями (восстановлены отдельные чтения списка Ундольского), повторяет реконструкцию «Задоницы», опубликованную в книге: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967, с. 363—378. В названном издании в подстрочном аппарате к тексту приводятся обоснования изменений, внесенных в список Ундольского по данным всех остальных списков «Задоницы», где имеется соответствующее место.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о похвальных сихъ о нынешных повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим *вѣщаго Бояна* горазна гудца в Киеве. Тот бо *вѣщий Боянъ*, воскладоша горазная своя персты на живыя струны, *пояше* руским князем славы: *первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю*, 2 — великому князю Владимиру *Святославичю Киевскому*, *третью* — великому князю Ярославу Володимировичю.

Аз же помяну резанца Софония, и восхваляю пѣснями и гусленными буйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христьянскую!

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичь, помолися Богу и пречистой его Матери, истезавше ум свой *крѣпостию*, и поостриша сердца свои мужеством, и *наполнишася* ратного духа, уставиша собѣ храбрѣя *полѣкы* в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего, великаго князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облакы, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю! Ци буря соколи *зонесет* из земля Залѣския в полѣ *Половецкое*! На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, *трубы* трубят на Коломнѣ, *бубны* бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону Великаго на брезѣ.

Звонять *колоколы* вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ, стоят мужи навгородцкие у *святыя Софии*, а *ркучи* тако: «Уже нам, брате, не поспѣтъ на *пособѣ* к великому князю Дмитрею Ивановичю?» И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великаго Новагорода, а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, на *пособе*.

К славному граду Москвѣ съехалися вси князи руские, а *ркучи* таково слово: «У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И *рече* князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате, князь Владимиръ Андреевичь, поидем тамо, укупим животу своему славы, учиним *землям диво*, а старым повесть, а молодым *память*! А храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!»

И рече им князь великий Дмитрий Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимирѣа Киевскаго! Не в обиде есми были по роженію *ни соколу, ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!*»

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал* славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Вольньскому! Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы *полководцы*, под трубами *повити*, под шеломы *възлелѣаны*, *конецъ копія вскармлены*, *с востраго меча поены* в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрий, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки *есмя Едимантовы*, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановѣа удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на *свои борзи комони* и посмотрим быстрого Дону, *испиемъ шеломом воды*, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицѣа немецких о боеданы бусорманские!»

И рече ему Дмитрий: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановичѣа! Уже бо, брате, стук стучит *и* гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. *То ти*, брате, не *стукъ стучить, ни гром гремят*, — стучит *силная* рать великаго князя Дмитрея *Ивановичѣа*, *гремят* удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными *щиты*. Сѣдлай, брате Андрѣй, *свои борзи комони, а мои готови* — *напреди твоих осѣдлани*. Выедем, брате, в чистое полѣа и посмотрим своих полковѣа, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами *70 000* окованные рати».

Уже бо, брате, *возвѣяша сильнии вѣтри* с моря на усть Дону и Непра, *прилелѣяша великиа* тучи на Рускую землю, из *них выступают* кровавые зори, а в них *трепещут синие молнии*. Быти стуку *и* грому великому на речке *Непрядвѣа*, между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликовѣа, пролитися крови на речкѣа *Непрядвѣа*!

Уже бо *въскрипѣли телегы* между Доном и Непром, *идут хинове* на Рускую землю! И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣа, на Мечи, хотят *наступати* на Рускую землю. *То ти* были не сѣрые волцы, — приидоша поганые татаровѣа, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости брешут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от золотых колодиць ис камена града Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединья, а богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во золотое свое стрѣмя, всѣдъ на свой борзый конь и взял свой мечь в правую руку, и помолися Богу и пречистой его Матери. Солнце ему ясно на вѣстоцы сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руския наступают и вотчину нашу отнимают!»